

УДК 81'37-112.2
<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-3-25-33>

Когнитивно-семантический механизм конструкции X ЕСТЬ X

Чжан Цзин

Шэньянский политехнический университет, Шэньян, Китай, 283706168@qq.com; 0009-0004-4243-2546

Аннотация

X ЕСТЬ X – это сжатая конструкция суждения с омографами субъекта и именного предиката, характерная для повторяющейся речи. На первый взгляд, конструкция X ЕСТЬ X не передает никакой новой информации и является бессмысленным речевым актом. Однако выбор любой речевой формы целенаправлен, служит цели смыслопорождения и является сознательным стратегическим выбором пользователя языка. Поэтому понимание смысла конструкции X ЕСТЬ X не может быть получено только из ее буквального значения. Цель исследования – основываясь на концептуальном денотативном значении и ассоциативной информации лексических единиц, объяснить механизм смыслообразования этой конструкции с точки зрения когнитивной семантики, интерпретировать субъективные намерения и дискурсивные смыслы говорящего. Языковыми материалами исследования выступили фразы с конструкцией X ЕСТЬ X из Национального корпуса русского языка. Для исследования семантического механизма конструкции X ЕСТЬ X в основном использованы методы описания и интерпретации. Последний X в конструкции X ЕСТЬ X имеет характерное значение и контекстуальный смысл высказывания, а пре-X обеспечивает предпосылки и пресуппозиции для ассоциации пост-X в дополнительном атрибутивном значении, что экономит время и усилия слушателя на обработку информации, которая предполагается идеальной когнитивной моделью и контекстом. Можно также сказать, что в конструкции X ЕСТЬ X есть три фокуса: синтаксический репрезентативный фокус – пост-X, семантический фокус – ассоциативная информация X, т. е. дополнительное атрибутивное значение, и основной фокус – конкретная коннотация в дополнительном атрибутивном значении. Идеальная когнитивная модель является основой для формирования дополнительного значения X, а когнитивный контекст играет важную роль в выявлении и выборе проявления и рецепции дополнительного значения X. Выбранные атрибутивные признаки становятся фокусом дискурса и носят маркирующий характер, выражая субъективное намерение говорящего и дискурсивный смысл. Интерпретация значения структуры X ЕСТЬ X основывается на концептуальном денотативном значении дискурса, активизируя ассоциативную информацию лексических единиц в сотрудничестве с идеальной когнитивной моделью и когнитивными контекстами, обращаясь к признакам настоящего в значении дополнительных атрибутов, а затем выводя богатое дискурсивное значение структуры.

Ключевые слова: когнитивная семантика, X ЕСТЬ X, конструкция повторного суждения, дискурс, коннотация, идеальная когнитивная модель

Источник финансирования: Статья написана при поддержке проекта «Фундаментальные исследования Департамента образования провинции Ляонин» («Исследование механизма смыслопорождения конструкции X ЕСТЬ X в рамках когнитивной семантики»), номер проекта: LJKMR20220632).

Для цитирования: Чжан Цзин. Когнитивно-семантический механизм конструкции X ЕСТЬ X // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2025. Вып. 3 (239). С. 25–33. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-3-25-33>

Cognitive-semantic mechanism of the construct X IS X

Zhang Jing

Shenyang Ligong University, Shenyang, China, 283706168@qq.com; 0009-0004-4243-2546

Abstract

X IS X is a compressed judgment construction with homographs of subject and nominal predicate, characteristic of repetitive speech. At first glance, the construction X IS X does not convey any new information and is a meaningless speech act. However, the choice of any speech form is purposeful, serves the purpose of meaning production and is a conscious strategic choice of the language user. Therefore, understanding the meaning of the construct X IS X cannot be derived from its literal meaning alone. Purpose – Based on the conceptual denotative meaning and associative information of lexical units, we try to explain the mechanism of meaning formation of this construction from the point

of view of cognitive semantics, interpreting the subjective intentions and discursive meanings of the speaker and opening a new perspective for further research. The linguistic materials of the study are phrases with the construction X IS X from the National Corpus of the Russian Language. To investigate the semantic mechanism of the X IS X construction, we mainly use descriptive and interpretive methods. The polysemantic X in the X IS X construction has the characteristic meaning and contextual meaning of the utterance, and the pre-X provides preconditions and presuppositions for the association of the post-X in the additional attributive meaning, which saves the listener's time and effort to process the information that is assumed by the ideal cognitive model and context. We can also say that there are three focuses in the instruction X IS X: the syntactic representational focus is the post-X, the semantic focus is the associative information of X, i.e., the additional attributive meaning, and the main focus is the specific connotation in the additional attributive meaning. The ideal cognitive model is the basis for the formation of the additional meaning of X, and the cognitive context plays an important role in identifying and selecting the manifestation and reception of the additional meaning of X. The selected attributive features become the focus of discourse and have a marking character, expressing the speaker's subjective intention and discursive meaning. The interpretation of the meaning of the structure X IS X is based on the conceptual denotative meaning of discourse, activating the associative information of lexical units in the cooperation of the ideal cognitive model and cognitive contexts, addressing the features of the present in the meaning of additional attributes, and then deriving the rich discursive meaning of the structure.

Keywords: *cognitive semantics, X IS X, repeated judgment construction, discourse, connotation, ideal cognitive model*

This article was written with the support of the project “Fundamental Research of Liaoning Provincial Department of Education” (“Research on the Meaning Generation Mechanism of X IS X Construct within the Framework of Cognitive Semantics”, project number: LJKMR20220632).

For citation: Zhang Jing. Kognitivno-semanticheskiy mekhanizm konstruktсии X YEST' X [Cognitive-semantic mechanism of the construct X IS X]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2025, vol. 3 (239), pp. 25–33 (in Russian). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-3-25-33>

Введение

Одной из отличительных особенностей человеческого языка является его креативность. Однако в процессе повседневного общения и использования языка люди постоянно повторяют свои или чужие слова. Повторение – распространенное явление в человеческой речи, и существует множество видов повторения, например, повторение начальных букв, повторение структуры предложения, повторение первых слов, повторение последних слов и т. д. Повторение обычно рассматривается как нулевая передача информации, поскольку, в соответствии с информационной структурой, сообщение должно содержать как новую, так и старую информацию, но структура повторения не передает никакой новой информации на поверхности, и это бессмысленное речевое поведение. X ЕСТЬ X является типичной сжатой конструкцией суждения, относится к повторяющейся речи, логическая форма выражения имеет следующий вид: $A^{X(A(X) \rightarrow A(X))}$. С точки зрения формальной структуры, связкой суждения в структуре повторного суждения обычно служит *есть*, иногда оно усиливается за счет использования дискурсивных маркеров *и, всё же, всё-таки, -то* и т. д. Основная конструкция – X ЕСТЬ X. Подлежащее и именная часть связочного сказуемого (предикатив) омофоничны и гомоморфны.

Семантически это конструкции «нулевой информации», но высказывание отражает свое реаль-

ное функциональное значение, передавая конкретную семантическую информацию, расположение компонентов предложения служит для выражения содержания, и конструкция должна иметь свою языковую основу и значимые особенности. С точки зрения характеристик информационной структуры, кодирование информации в предложении часто происходит по принципу «от старого к новому», конец предложения обычно является коммуникативной позицией предиката, естественным фокусом предложения, и чем ближе к концу предложения, тем более новая информация передается. В случае с конструкцией X ЕСТЬ X два X, несмотря на одинаковые звучание и форму, обозначают разные значения, и повтор слова, следующего за связкой суждения, является фокусом информации структуры, отражающим истинное дискурсивное намерение говорящего. В целом в конструкциях X ЕСТЬ X дается характеристика предмету речи: первый повторяющийся элемент указывает на объект, а второй – на его свойство [1, с. 119].

Материал и методы

Примеры конструкций X ЕСТЬ X были найдены с помощью Национального корпуса русского языка. Для изучения семантического механизма конструкции X ЕСТЬ X в основном использованы методы описания и интерпретации. Описание и интерпретация являются взаимодополняющими

методами исследования в лингвистике. Описание направлено на выявление различных агрегирующих и комбинирующих свойств, правил и законов языковых единиц; интерпретация же направлена на выявление внутренних и внешних причин представления этих свойств, правил и законов языковых единиц, что является более глубоким исследованием, углубляющимся от формы языка до семантики, когнитии, национальной культуры, социального контекста и других аспектов языка.

Результаты и обсуждение

Результаты исследования показывают, что в русском языке широко распространены конструкции с лексическими повторами, включая тавтологии различных типов, противоречия, так называемые лексические клоны, и другие конструкции с тождественными словоформами. Е.Л. Вилинбахова рассмотрела сравнительные конструкции с тождественными словоформами типа *люди как люди*. Она отмечает, что сравнительные конструкции с тождественными словоформами являются субъективными суждениями, и трактует их следующим образом: «говорящий считает, что референт не дает оснований для повышенного внимания к себе». Интерпретация «соответствие референта норме, стандарту» представлена как дефолтная инференция адресата, которая может быть отменена при наличии противоречащих ей фоновых знаний или контекстов [2, с. 641]. А. Вежицкая отмечает, что значение конструкции X ЕСТЬ X не является межъязыковым универсальным и не может быть выведено исключительно из какого-то универсального лингвистического принципа. Конструкция X ЕСТЬ X в высшей степени статусно ориентирована, и в естественных языках не существует ее точного аналога; ее структурное значение варьируется от языка к языку, поэтому значения различных конструкций X ЕСТЬ X и подобных языковых средств выражения, особенно установочные значения, должны быть учтены соответствующими языковыми выражениями. В связи с этим значения, выражаемые различными конструкциями X ЕСТЬ X и аналогичными языковыми средствами, особенно установочные, должны быть учтены соответствующими языковыми выражениями, и анализ конструкции X ЕСТЬ X только на основе какого-то универсального, не зависящего от языка принципа невозможен [3, с. 70]. По мнению Т.С. Остапенко, конструкция X ЕСТЬ X имеет как независимое от контекста основное значение, определяемое семантическими признаками, т. е. статутное значение, так и непосредственное значение, т. е. значение, выводимое из контекста, которое необходимо исследовать как семантически, так и прагматически [4, с. 18].

В китайской лингвистике традиционная стилистика включила конструкцию X ЕСТЬ X в рамки риторики, утверждая, что этот уникальный риторический стиль обладает сильным воздействием, и что это выражение с богатым подтекстом и значительным риторическим эффектом с точки зрения передачи чувств и передачи смысла. Люй Шусян [5] считает, что этот вид риторики является одновременно объяснительным и пояснительным; Шао Цзинмин [6] подчеркивает, что это «терпимая» фигура, в которой одни и те же слова используются для формирования тесной связи в одном предложении, что порождает новые смыслы и делает выражение новым и ярким; Пань Гоин [7] отмечает, что «тавтология» – это особый формат повтора, который отличается от повтора тем, что одни и те же части появляются симметрично. На основе предыдущих исследований Чэнь Синьжэнь [8] и Вэнь Сюй [9] предлагают использовать теорию ассоциативного дискурса для объяснения когнитивного механизма и имплицитной интерпретации конструкции X ЕСТЬ X. Согласно ассоциативной теории, человеческое познание основано на ассоциативности. Вербальная коммуникация представляет собой эксплицитно-рассудочный процесс. Процесс понимания дискурса – это непрерывный процесс создания и нахождения ассоциаций. Релевантность возникает из контекстуальных эффектов, и она прямо пропорциональна контекстуальным эффектам. С другой стороны, чем больше усилий требуется от слушателя, тем меньше релевантность. Человеческое познание – это получение максимальной релевантности, т. е. максимального контекстуального эффекта при минимальных затратах на обработку [4, с. 15]. Конструкция X ЕСТЬ X – это намеренный выбор выражения говорящим, который соответствует определенной потребности в его выражении. Поэтому слушатель, понимающий конструкцию X ЕСТЬ X, должен воспринимать дискурс как передающий оптимальную релевантность, т. е. усилия, необходимые для его понимания, должны соответствовать контекстуальному эффекту дискурса. Каждый человек в своей языковой деятельности по-своему интерпретирует результаты познавательных процессов, опираясь на собственный опыт взаимодействия с окружающим миром и предшествующий языковой опыт, представленный в его картине мира [10, с. 5].

В процессе изучения многочисленных литературных источников мы пришли к выводу, что понимание конструкции X ЕСТЬ X – это, по сути, процесс поиска и определения, в ходе которого коммуникативный субъект должен постоянно искать и извлекать из когнитивного контекста общие атрибутивные признаки предмета, которые можно соотнести с текущим контекстом. Однако для вы-

ведения значения конструкции Х ЕСТЬ Х недостаточно опираться только на когнитивный контекст, поскольку любое дискурсивное значение – это психокогнитивный процесс, сочетающий концептуальное значение лексических единиц с субъективным намерением говорящего, поэтому процесс выведения дискурсивного значения конструкции Х ЕСТЬ Х должен осуществляться с помощью концептуального значения Х и некоторых концептуальных теорий психокогниции.

1. Смысл дискурса, коммуникативные намерения и формы дискурса

Язык не является самостоятельной системой, он представляет собой результат переплетения многих факторов, таких как объективная реальность, человеческое сознание, физиологические основы речевого аппарата и т. д.

Описание языков должно соответствовать общим законам человеческого познания и восприятия, чтобы обладать большей объяснительной силой и убедительностью [11, с. 122–123]. С появлением и развитием прагматики, введением таких теоретических понятий, как референция, речевой акт и смысл дискурса, изучение значения предложений перешло из семантической стадии в прагматическую, и значение, о котором мы говорим, – это смысл дискурса в коммуникации. Смысл дискурса ограничивается не только внутренней структурой дискурса, синтаксической структурой и конвертированием коммуникативной функции семантических единиц, но и познанием взаимодействия человека с объективным миром. Конструирование смысла высказывания проявляется как динамический процесс активации, соединения и перестройки внутреннего знания коммуникативного субъекта. Это происходит в процессе когнитивной обработки речи, направленной на реализацию коммуникативного намерения [12, с. 104–105].

Намерение – важная характеристика человеческого сознания, которая состоит из трех факторов: свободного я (субъекта интенциональной деятельности), объекта (предмета интенциональной деятельности) и собственно интенциональной деятельности (содержания интенциональной деятельности). Коммуникативная интенция – это коммуникативное намерение, которое представляет собой коммуникативную цель, достигаемую субъектом вербальной коммуникации, и является основой и ядром смысла дискурса. В определенной степени вербальная коммуникация – это коммуникация намерения, а намерение, вступающее в коммуникацию, должно быть выразимым и понятным, иначе о смысле дискурса говорить будет невозможно. Следовательно, должны существовать какие-то методы, позволяющие связать дискурс и интенцию, и

форма дискурса является условным средством, позволяющим связать эти два понятия [13, с. 110–111]. Формы дискурса, т. е. языковые выражения, – это средства, с помощью которых осуществляется вербальная коммуникация, и внешние признаки коммуникативного намерения и дискурсивного смысла. Языковые выражения сами по себе не имеют дискурсивного значения; они характеризуют опыт человеческого разума и являются движущей силой конструирования смысла с помощью привычных процессов речи [14, с. 302]. Ключевая проблема, которую решает когнитивная обработка коммуникативного субъекта, – это установление связи между коммуникативным намерением и формой дискурса, и именно в этом процессе конструируется смысл дискурса.

Смысл – это форма производной интенциональности, а производные формы – это морфемы, высказывания или символы разного рода, которые не только имеют языковые значения, но и воплощают намерение говорящего, которое выражается в когнитивных контекстах на основе концептуального значения. Конструкция суждения с повтором первого и последнего слова в естественном языке представляет собой буквально «нулевое информационное» избыточное языковое выражение, которое не несет никакой новой пропозициональной информации, но его использование выражает субъективное намерение говорящего и его мировоззренческое значение, либо утвердительное, либо нейтральное, либо оппозиционное. Например:

Мастер есть мастер: умело управляя куполом, он все же сумел приземлиться так же, как и его товарищи, на взлетно-посадочную полосу. (Пример из НКРЯ.)

В этом примере «мастер₁» относится к категории людей под названием «мастер», которая является категорией класса с понятийным семантическим денотатом, а «мастер₂» относится к типичным существенным характеристикам категории людей под названием «мастер», таким как «мудрый, знающий, способный, неординарный» и т. д. С помощью этой повторяющейся структуры говорящий пытается выразить свое субъективное отношение к мастеру. Повторяя одни и те же понятия в одном и том же высказывании, говорящий пытается передать субъективное намерение, казалось бы, бессмысленное выражение, пытаюсь выделить существенные признаки человека, которые должны быть выражены через отношения между понятиями и признаками.

2. Коннотация лексических единиц

Лексическая единица – слово, устойчивое словосочетание или другая единица языка, способная обозначать предметы, явления, их признаки, может

быть разделена на семантический, синтаксический и прагматический аспекты, как и обычные знаки, и включает в себя отношения между лексемами, понятиями, объектами и говорящими [15, с. 12]. Соответствуя этим уровням исследования, значение лексических единиц состоит из концептуального, референциального, комбинаторного и прагматического уровней значения (связь комбинаторного значения со структурой X ЕСТЬ X будет изложена в отдельной статье). Референциальное значение выражает взаимную связь, на одном конце которой находится дискурсивный символ или дискурсивный знак и его концептуальное значение, а на другом – тот же предмет, который может быть им обозначен. Референциальное значение фокусируется на денотацию слова, например, *солдат* относится ко всем, кто имеет статус военного и служит в армии, *мальчик* – ко всем несовершеннолетним юношам, а главные, обладающие референциальным значением, – это субстантивы, которые могут выступать в качестве тематических элементов в предложении.

Концептуальное значение лексической единицы – это отраженное в сознании и лексических единицах общее и существенное свойство однотипных вещей, эквивалентное по содержанию концептуальной коннотации, например, концептуальное значение *воды* – бесцветная, прозрачная жидкость для питья или других целей; концептуальное значение *прямой* – кратчайшее расстояние между точками. Прагматический уровень значения лексической единицы также заложен в специфическом субъективном отношении социокультурной группы языка к обозначаемому, которое носит дискурсивный или оценочный характер, в совокупности называемый коннотацией лексической единицы, который также соответствует значению дополнительных атрибутов слова [16, с. 5–6].

Коннотация предназначена для субъективной оценки, включающей несущественные признаки вещей, обозначаемых лексическими единицами, в основном обозначает специфические свойства вещей, например, коннотация слова *семья* включает в себя атрибуты «уют, спокойствие, дни мирной жизни, свобода»; слово *мальчик* связано с озорными, непослушными, неуправляемыми и живыми качествами; *солдат* обладает атрибутами «честность, настойчивость, верность своим обязанностям»; *осел* связан с признаками «упрямство и глупость»; *французы* ассоциируются с «французской романтикой и беззаботностью»; а *песок* ассоциируется со свойствами изменчивости и текучести; ассоциативная информация слова *елка* – «радостный Новый год, вечнозеленый и вечноживущий».

Эти признаки несут в себе оценочное содержание, описывающее или изменяющее коннотацию

слова, они не являются объективными, существенными и отличительными признаками предмета, о котором идет речь, это лишь вспомогательная информация и дополнительные признаки лексической единицы, но связь с лексической единицей носит постоянный характер. Они не участвуют в формировании концептуального значения и уж тем более не входят в словарное толкование. Например, словарное толкование слова *мачеха* – «другая жена отца, неродная мать, повенчанная мать; отцова жена, детям прежнего брака», а ее ассоциативная информация о «неласковом, неприветливом, недоброжелательном, бессердечном, злом, жестоком поведении» не входит в концептуальное значение. Ассоциативная информация отражает уровень дискурсивного значения лексических единиц, которое отличается от концептуального значения, с одной стороны, отражающего субъективное отношение субъекта речи к объектам, а не их собственные свойства и, с другой стороны, выражающего субъективное отношение представителя лингвокультурной группы, а не субъективное отношение говорящего как индивида [5, с. 273–274].

В речевой коммуникации для выделения особых признаков морфемы немаркированный референт приобретает маркированный характер. Семантический фокус морфемы X с определенным атрибутивным значением смещается за счет специфической синтаксической структуры, и лексико-семантический фактор претерпевает сдвиг коммуникативной функции, указывая не на концептуальное денотативное значение X, а на его ассоциативную информацию (коннотацию) – дополнительное атрибутивное значение.

Одной из таких маркированных форм выражения дискурса является структура суждения с начальным и конечным лексическим повтором, где первый X не маркирован и указывает прежде всего на концептуальное денотативное значение, а второй X маркирован и выражает некую ассоциативную информацию, производную от концептуального значения X. Конструкция X ЕСТЬ X заставляет обращаться к лексической ассоциативной информации в силу того, что она не передает буквально никакой новой информации, когда на первый план выходит дополнительное атрибутивное значение. В то время как концептуальное денотативное значение отходит на второй план, соответственно, ослабевая или исчезая. Вежбицкая утверждает, что значения слов концептуальны по своей природе и теряют общие специфические атрибуты [3, с. 72]. Это не совсем точное утверждение. Значение слова не отказывается от общих специфических свойств, но общие свойства уходят в глубину, а значение слова делает существенные свойства видимыми через обобщение, однако при наличии соответст-

вующих условий происходит сдвиг в коммуникативной функции семантического фактора, активизируется отражение специфических общих свойств, они выходят на передний план и становятся фокусом высказывания, что и является фундаментальным механизмом реализации конструкции *X ЕСТЬ X*. Чем богаче ассоциативная информация *X*, чем сильнее значения дополнительных атрибутов, тем легче создать конструкцию *X ЕСТЬ X* [4, с. 16].

Таким образом, смысл конструкции *X ЕСТЬ X* приобретает в результате активации ассоциативной информации эпитета *X*, а дополнительные атрибутивные значения становятся фокусом, но, конечно, этот процесс активации основан на концептуальном значении предмета *X*. Как же приобретаются дополнительные атрибутивные значения слов? И как определяются конкретные дополнительные атрибутивные значения? Существует не один типичный признак одной и той же лексической единицы, но эти признаки по-разному выделяются в разных контекстах, и определенный признак будет более заметным в силу каких-то причин, таких как психология, восприятие, частота употребления и т. д., и он легко может стать единственным типичным признаком некоего предмета [17, с. 13–14]. Все зависит от того, как люди воспринимают объективный мир и какие ограничения накладывает когнитивный контекст на значение дискурса.

3. Идеальная когнитивная модель и ассоциативное рассуждение

с дополнительным значением атрибутов

Первый *X* в конструкции *X ЕСТЬ X* обычно обозначает референтный класс, категорию, которая выражает концептуальное значение слова. Вторым *X*, однако, не используется для выражения сущностного характера и основного базового значения категории, представленной классом. Если это так, то предложение не несет никакой новой информации и является буквально недействительным. Поэтому слушатель должен обратиться к значению дополнительных атрибутов высказывания, т. е. типичных черт слова [18, с. 56–57]. Как же образует дополнительное значение атрибутов?

Социальная группа имеет общий национально-культурный фон, фон знаний, языковые привычки и т. д. Усвоение ассоциативных значений слов и понимание значения дополнительных признаков опирается на общую для лингвосоциокультурной группы структуру фоновых знаний, т. е. ментальную репрезентацию знаний человека об объективном мире, которая демонстрирует некое идеализированное мышление, представляющее собой некую схематическую ментальную конструкцию, обрисовывающую объективную реальность в конкретном и застывшем виде.

Дж. Лакофф называет эту ментальную конструкцию «идеальной когнитивной моделью» [19, с. 342]. Так называемая идеальная когнитивная модель, сложная когнитивная модель гештальт-природы, представляет собой абстрактное, более полное, идеализированное понимание опыта и знаний говорящего в данной области, что, конечно, предполагает наличие определенного культурного контекста [20, с. 181–182].

Идеальная когнитивная модель обладает шестью типичными характеристиками: 1) полнота: это не только простое сочетание компонентов, но и органичная и систематическая общая структура; 2) открытость: это допустимая когнитивная модель, которая постоянно обновляется и расширяется по содержанию с развитием человеческого познания; 3) избирательность: она постоянно делает типичный выбор из открытых элементов в соответствии с потребностями когнитивного взаимодействия человека с миром; 4) эмпиричность: формируется на основе взаимодействия человека с внешним миром; 5) имманентность: это способ познания вещей в сознании с помощью определенных ментальных репрезентаций; 6) ассоциативность: внутренние компоненты взаимосвязаны.

Однако такие модели включают в себя не только энциклопедические знания людей в конкретных областях, но и культурные модели, поскольку формирование идеальной когнитивной модели зависит от культурной среды, в которой растет человек [7, с. 76–77].

Дж. Лакофф утверждает, что, исходя из эмпирической природы человеческого познания, один и тот же опыт обязательно будет общим в различных типах культур, а различные культуры приводят к вариативности человеческого опыта [19, с. 147]. Тернер также отмечает, что формирования когнитивных моделей зависит от культурной среды, в которой человек растет и живет [21, с. 216]. Таким образом, когнитивная модель в определенной когнитивной области в конечном итоге зависит от культурной модели. Однако в рамках одной и той же языковой социальной группы языковые выражения могут быть напрямую связаны с идеальной когнитивной моделью [6, с. 17], чтобы получить доступ к значению дискурса, в центре которого находится субъективное коммуникативное намерение говорящего. Например:

(1) *Отказ героя от самоубийства может переосмыслиться: жизнь обратительна и непереносима, но надо жить, потому что жизнь есть жизнь.* (Пример из НКРЯ.)

(2) *Ничего я не успел за эти два года! Жизнь есть жизнь. Ее не поторопишь.* (Пример из НКРЯ.)

(3) *Жизнь есть жизнь – пусть молодое сердце бьется как хочет.* (Пример из НКРЯ.)

(4) *Жизнь есть жизнь, она вперед движется, а Ковский был, видимо, трудным орешком.* (Пример из НКРЯ.)

В контексте русского языка идеальная когнитивная модель *жизнь* содержит множество различных характеристик, таких как жизнь жива и полна надежд; жизнь полна противоречий и антагонизмов; жизнь тривиальна; жизнь не всегда идет гладко; жизнь динамична и полна неопределенности; жизнь не всегда легка; жизнь порой неумолима и неподвластна субъективной воле человека. Вышеперечисленные примеры – это разные проявления общего характера течения жизни.

Поскольку ассоциативная информация слова часто характеризуется различными дополнительными признаками в зависимости от контекста, говорящий, используя конструкцию *X ЕСТЬ X*, наделяет один и тот же лексический признак различными суждениями. Слушатель, воспринимая эту закодированную информацию, делает разные предположения для декодирования, и если эти два предположения совпадают, то происходит одинаковая интерпретация, и в результате коммуникативная цель говорящего достигается.

Этот процесс конструирования смысла фактически происходит через ассоциативные рассуждения о значении дополнительных атрибутов в когнитивном контексте. Например, в предложении *Мужчина есть мужчина* понятие *мужчина* обозначает *взрослый, мужской пол*, и ассоциативная информация, которая может быть активирована с его помощью, включает в себя: 1) мужчины рациональны; 2) мужчины ленивы; 3) мужчины нечасто вытирают слезы; 4) мужчины грубы и неприхотливы; 5) мужчины не склонны к домашней работе; 6) мужчины обладают широким кругозором.

Все эти признаки составляют атрибутивные признаки мужчины, и с помощью когнитивного контекста легко активируются те признаки, которые соответствуют текущему контексту. Этот процесс активации фактически является процессом ассоциации дополнительных атрибутивных значений лексических единиц в рамках идеальной когнитивной модели [22, с. 5], причем фактор культивирования речи определяет, какие атрибутивные признаки будут выделены и, таким образом, активированы.

Хотя ассоциативная информация слов связана с конкретными репрезентативными признаками вещей, механизм выделения в процессе лексического обобщения делает ее очень неоднозначной, и она

должна быть раскрыта контекстуальным фоном, поскольку является относительно имплицитной [9, с. 32]. Например, предположим, что дочь жалуется матери, что ее муж всегда разбрасывает свою одежду и обувь, когда возвращается с работы, а мать отвечает: *Мужчина есть мужчина*. Затем в данном контексте подчеркивается характеристика мужчины – *не ограничивать себя соблюдением мелких деталей, не быть мелочным, не обращать внимания на мелочи, не заниматься пустяками*, и таким образом мать снимает недовольство дочери словами *Мужчина есть мужчина*, выражая смысл: *Это оправданно для мужчины – быть грубым и несдержанным и разбрасывать вещи где попало*. Это выражает субъективно-снишодительное отношение матери к поведению мужа дочери.

Заключение

Из приведенного выше анализа видно, что последний *X* в конструкции *X ЕСТЬ X* имеет характерное значение и контекстуальный смысл высказывания, а первый *X* обеспечивает предпосылки и пресуппозиции для ассоциации дополнительных атрибутивных смыслов в последнем *X*, экономя время и усилия слушателя на обработку информации, что предполагается идеальной когнитивной моделью и контекстом. Также можно сказать, что в конструкции *X ЕСТЬ X* есть три фокуса: синтаксический репрезентативный фокус – первый *X*, семантический фокус – ассоциативная информация *X*, т. е. значение дополнительного атрибута, и основной фокус – конкретная коннотация в значении дополнительного атрибута. Идеальная когнитивная модель является основой для формирования дополнительного значения *X*, а когнитивный контекст играет важную роль в определении и выборе проявления и принятия дополнительного значения *X*. Проведенное исследование позволило сделать следующие выводы:

- 1) конструкции *X ЕСТЬ X* имеют сложную когнитивно-семантическую основу, а их смыслопорождение включает множество аспектов;
- 2) идеализированная когнитивная модель представляет собой эффективный метод и основу для понимания когнитивной базы конструкции *X есть X*;
- 3) ассоциативная информация и коммуникативная интенция лексических единиц играют важную роль в смыслообразовании конструкции *X есть X*;
- 4) конструкции *X есть X* могут передавать богатые коммуникативные намерения и более глубокие смыслы в определенных контекстах.

Список источников

1. Вилинбахова Е.Л., Копотов М.В. «X есть X» значит «X это X»? Ищем ответ в синхронии и диахронии // Вопросы языкознания. 2017. № 3. С. 110–124.

2. Вилибахова Е.Л. Статья значит статья: об одном классе тавтологических конструкций в русском языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: труды международной конференции «Диалог 2015». Вып. 14. М., 2015. С. 638–649.
3. Вежбицкая А. Прагматика тавтологических сочетаний // Филологические науки. 1991. № 4. С. 69–75.
4. Остапенко Т.С. Причины возникновения тавтологических выражений в речи говорящего // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2011. № 2. С. 15–18.
5. 吕淑湘. 语文杂记[M]. 上海: 上海教育出版社, 2019. 296页. Люй Шусян. О китайском языке. Шанхай: Шанхайское образовательное издательство, 2019. 296 с.
6. 邵敬敏. 同语式”探讨[J]. 语文研究, 2023, (1): 13-19. Шао Цзинминь. Дискуссия о гомофонии // Исследование филологии. 2023. № 1. С. 13–19.
7. 潘国英. 论汉语典型同语格的成因与理解[J]. 修辞学习, 2016.(2): 76-79. Пань Гоунин. О причинах и понимании типичных китайских омографов // Журнал стилистики. 2016. № 2. С. 76–79.
8. 陈新仁. 英语首词重复的语用认知阐释[J]. 外语研究, 2021, (1): 45-50. Чэнь Синьжень. Прагматическая когнитивная интерпретация повторения начальных слов в английском языке // Исследование иностранных языков. 2021. № 1. С. 45–50.
9. 文旭. 同义反复话语的特征及其认知语用解释[J]. 外国语言文学, 2023, (3): 29-33. Вэнь Сюй. Характеристики тавтологического повторного дискурса и его когнитивно-прагматическая интерпретация // Иностранный язык и литература. 2023. № 3. С. 29–33.
10. Болдырев Н.Н. Антропоцентрическая сущность языка в его функциях, единицах и категориях // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 1. С. 5–12.
11. 刘建芳. 认知语境对话语理解的解释和制约[J]. 河南大学学报(社会科学版), 2024, (2): 122-124. Лю Цзяньфан. Интерпретация и ограничения когнитивного контекста на понимание дискурса // Вестник Хэнаньского университета (Версия социальных наук) 2024. № 2. С. 122–124.
12. 张莉. 言语实践中话语意义建构原则探究[J]. 外语学刊, 2019, (3): 102-105. Чжан Ли. Исследование принципа построения дискурсивного смысла в речевой практике // Журнал иностранных языков. 2019. № 3. С. 102–105.
13. 唐红芳. 论说话人意向及其推导[J]. 外语学刊, 2022, (3): 110-113. Тан Хунфанг. О намерении говорящего и его деривации // Журнал иностранных языков. 2022. № 3. С. 110–113.
14. 张家骅. 《俄罗斯语义学——理论与研究》[M]. 中国社会科学出版社, 2011. 354页. Чжан Цзяхуа. Русская семантика – теория и исследования. Пекин: Китайское издательство социальных наук, 2011. 354 с.
15. 周韧. 从理性意义和内涵意义的分界看同语式的表义特点[J]. 语言教学与研究, 2024, (4): 9-16. Чжоу Жэнь. Эпистемические особенности омофонов с точки зрения разделения рациональных и коннотативных значений // Преподавание и исследования языковых вопросов. 2024. № 4. С. 9–16.
16. 高航. 重言式的构式语法分析[J]. 解放军外国语学院学报, 2023, (5): 1-6. Гао Ханг. Конструктивный грамматический анализ перефразированных форм // Вестник Института иностранных языков НОАК. 2023. № 5. С. 1–6.
17. 高航, 张凤. 同语的语用研究[J]. 解放军外国语学院学报, 2019, (1): 13-16. Гао Ханг, Чжан Фэн. Прагматическое исследование омофонии // Вестник Института иностранных языков НОАК. 2019. № 1. С. 13–16.
18. 姜晖. X BE X结构意义形成的认知语义阐释[J]. 外语与外语教学, 2021, (2): 56-59. Цзянь Хуэй. Когнитивно-семантическая интерпретация формирования смысла структуры X BE X // Иностранный язык и преподавание иностранных языков. 2021. № 2. С. 56–59.
19. Лакофф Д. Женщины, огонь и опасные вещи: какие категории раскрывают разум. Чикаго: Издательство Чикагского университета, 1987. 632 с.
20. 王寅. 认知语言学探索[M]. 重庆: 重庆出版社, 2021. 324页. Ван Инь. Исследования в области когнитивной лингвистики. Чунцин: Издательство Чунцина, 2021. 324 с.
21. Тернер М. Чтение мыслей: изучение английского языка в эпоху когнитивной науки. Принстон: Издательство Принстонского университета, 1991. 318 с.
22. 张爱玲. 同语反复格式的跨语言对比研究[J]. 西安外国语大学学报, 2016, (1): 1-6. Чжан Айлин. Межъязыковое сопоставительное исследование тавтологии // Вестник Сианьского университета иностранных языков. 2016. № 1. С. 1–6.

References

1. Vilinbakhova E.L. Kopotev M.V. “X yest’ X” znachit “X eto X”? Ishchem otvet v sinkhronii i diakhronii [“X is X” means “X is X”? Looking for an answer in synchronicity and diachrony]. *Voprosy jazykoznanija*, 2017, no. 3, pp. 110–124 (in Russian).
2. Vilinbakhova E.L. Stat’ya znachit stat’ya: ob odnom klasse tautologicheskikh konstruktсий v russkom yazyke [Article means article: about one class of tautological constructions in the Russian language]. *Komp’yuternaya lingvistika i intellektual’nyye tekhnologii: trudy mezhdunarodnoy konferentsii “Dialog 2015”. Вып. 14* [Computer Linguistics and Intellectual Technologies: Proceedings of the International Conference “Dialogue 2015”. Vol. 14]. Moscow, RSREU Publ., 2015. Pp. 638–649 (in Russian).
3. Vezhbitskaya A. Pragmatika tautologicheskikh sochetaniy [Pragmatics of tautological combinations]. *Filologicheskiye nauki – Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education*, 1991, no. 4, pp. 69–75 (in Russian).

4. Ostapenko T.S. Prichiny voznikoveniya tautologicheskikh vyrazheniy v rechi govoryashchego [Causes of tautological expressions in the speaker's speech]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*, 2011, no. 2, pp. 15–18 (in Russian).
5. Lv Shuxiang. *O kitayskom yazyke* [Language Miscellany] [M]. Shanghai, Shanghai Education Press, 2019. Pp. 296 (in Chinese).
6. Shao Jingmin. Diskussiya o gomofonii [Discussion on “Homophones”] [J]. *Language Study*, 2023, no. 1, pp. 13–19 (in Chinese).
7. Pan Guoying. O prichinakh i ponimani tipichnykh kitayskikh omografov [On the Causes and Understanding of Typical Chinese Homographs] [J]. *Zhurnal stilistiki – Rhetorical Learning*, 2016, no. 2, pp. 76–79 (in Chinese).
8. Chen Xinren. Pragmaticheskaya kognitivnaya interpretatsiya povtoreniya nachal'nykh slov v angliyskom yazyke [A pragmatic cognitive interpretation of English initial word repetition] [J]. *Issledovaniye inostrannogo yazyka – Foreign Language Research*, 2021, no. 1, pp. 45–50 (in Chinese).
9. Wen Xu. Kharakteristiki tautologicheskogo povtornogo diskursa i yego kognitivno-pragmaticheskaya interpretatsiya [Characteristics of Synonymous Repeated Discourse and Its Cognitive-Pragmatic Interpretation] [J]. *Inostranny yazyk i literatura – Foreign Languages and Literatures*, 2023, no. 3, pp. 29–33 (in Chinese).
10. Boldyrev N.N. Antropotsentricheskaya sushchnost' yazyka v yego funktsiyakh, editsiyakh i kategoriakh [Anthropocentric essence of language in its functions, units and categories]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki – Issues of cognitive linguistics*, 2015, no. 1, pp. 5–12 (in Russian).
11. Liu Jianfang. Interpretatsiya i ogranicheniya kognitivnogo konteksta na ponimaniye diskursa Explanation and constraints of cognitive context on discourse comprehension [J]. *Vestnik Khenan'skogo universiteta (Versiya sotsial'nykh nauk) – Journal of Henan University (Social Science Edition)*, 2024, no. 2, pp. 122–124 (in Chinese).
12. Zhang Li. Issledovaniye printsipa postroyeniya diskursivnogo smysla v rechevoy praktike [Exploring the Principle of Discourse Meaning Construction in Speech Practice] [J]. *Zhurnal inostrannykh yazykov – Journal of Foreign Languages*, 2019, no. (3), pp. 102–105 (in Chinese).
13. Tang Hongfang. O namerenii govoryashchego i yego derivatsii [On Speaker's Intention and Its Derivation] [J]. *Zhurnal inostrannykh yazykov – Journal of Foreign Languages*, 2022, no. 3, pp. 110–113 (in Chinese).
14. Zhang Jiahua. *Russkaya semantika – teoriya i issledovaniya* [Russian Semantics. Theory and Research] [M]. Beijing, China Social Science Press, 2011, pp. 354 (in Chinese).
15. Zhou Ren. Epistemicheskiye osobennosti omofonov s tochki zreniya razdeleniya ratsional'nykh i konnotativnykh znacheniy [The Epistemic Characteristics of Homophones from the Demarcation of Rational and Connotative Meanings] [J]. *Prepodavaniye i issledovaniya yazykovykh voprosov – Language Teaching and Research*, 2024, no. 6, pp. 9–16 (in Chinese).
16. Gao Hang. Konstruktivnyy grammaticheskyy analiz perefrazirovannykh form [Constructive Grammatical Analysis of Reiterative Forms] [J]. *Vestnik instituta inostrannykh yazykov – Journal of PLA College of Foreign Languages*, 2023, no. 5, pp. 1–6 (in Chinese).
17. Gao Hang, Zhang Feng. Pragmaticheskoye issledovaniye omofonii [A Pragmatic Study of Homophony] [J]. *Journal of PLA Foreign Language College*, 2019, no. 1, pp. 13–16 (in Chinese).
18. Jiang Hui. Kognitivno-semanticheskaya interpretatsiya formirovaniya smysla struktury X BE X [Cognitive Semantic Interpretation of X BE X Structural Meaning Formation] [J]. *Foreign Language and Foreign Language Teaching*, 2021, no. 2, pp. 56–59 (in Chinese).
19. Lakoff D. *Zhenshchiny, ogon' i opasnye veshchi: kakie kategorii raskryvayut razum* [Women, Fire and Dangerous Things – What Categories Reveal about the Mind]. Chicago, University of Chicago Press, 1987. 632 p. (in Russian).
20. Wang Yin. *Explorations in Cognitive Linguistics* [M]. Chongqing: Chongqing Publ., 2021. Pp. 324 (in Chinese).
21. Turner M. *Cheniye mysley: izucheniye angliyskogo yazyka v epokhu kognitivnoy nauki* [Reading Mind: The Study of English in the Age of Cognitive Science]. Princeton, Princeton University Press, 1991. 318 p. (in Russian).
22. Zhang Ailing. A Cross-Language Comparative Study of Homophone Repetition Format [J]. *Journal of Xi'an International Studies University*, 2016, no. 1, pp. 1–6 (in Chinese).

Информация об авторе

Чжан Цзин, кандидат филологических наук, доцент, Шэньянский политехнический университет (Центральный проспект Наньпин, 6, Шэньян, провинция Ляонин, Китай, 110159), директор Института Конфуция Томского государственного университета.
E-mail: 283706168@qq.com; ORCID ID: 0009-0004-4243-2546; SPIN-код: 4071-0593.

Information about the author

Zhang Jing, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Shenyang Ligong University (Nanping Central Road, 6, Shenyang, Liaoning Province, China, 110159), director of the Confucius Institute of Tomsk State University.
E-mail: 283706168@qq.com; ORCID ID: 0009-0004-4243-2546; SPIN-code: 4071-0593.

Статья поступила в редакцию 23.10.2024; принята к публикации 03.04.2025

The article was submitted 23.10.2024; accepted for publication 03.04.2025